

А.Г. Тепляков
Новосибирский государственный
университет экономики и управления

«Я НЕ ЧИНОВНИК И НЕ ТРУС»: СУДЬБА ВИВИАНА ИТИНА

В статье исследован противоречивый творческий и общественный путь В.А. Итина — видного сибирского писателя, одного из основоположников советской фантастики и руководителя писательской организации в советской Сибири. Опираясь преимущественно на материалы из архивов спецслужб, включая следственное дело Итина 1938 г., автор анализирует приспособление талантливого поэта и писателя к большевистской действительности. Итин, короткое время служивший белым властям, был обречён всё последующее время доказывать свою лояльность большевикам. Но даже участие в деятельности их судебных органов, а также активная пропагандистская работа и талантливая защита идеологических ценностей коммунизма не избавили Итина сначала от слежки и выражения политического недоверия, а затем от ареста и расстрела по обвинению в шпионаже.

Ключевые слова: белые, Сибирь, Итин, чекисты, адаптация, политическая мимикрия, репрессии, реабилитация

Вивиан Итин (1894–1938) — один из основоположников советской фантастики, поэт, драматург, очеркист и организатор литературной жизни — прожил 44 года, в которых отразились основные приметы эпохи, беспощадной к талантливым людям. Этот яркий человек, уничтоженный в годы сталинского террора, давно вызывает интерес мемуаристов и исследователей¹. Но его насыщенная биография далека от полноты освещения. Известные материалы о В.А. Итине можно дополнить важными документами из следственного дела писателя 1938 г., а также некоторыми другими архивными и печатными свидетельствами. Они позволяют во многом глубже понять жизненный путь Итина — личности, значительной в масштабах Сибири.

Отец Итина Азарий Александрович происходил из бедных ремесленников-евреев. В молодости он крестился, не разделяя, одна-

¹ *Мостков Ю.М.* Путь Вивиана Итина // *Портреты.* Новосибирск, 1981. С. 3–73; *Коптелов А.Л.* Вивиан Итин // *Минувшее и близкое.* Новосибирск, 1972. С. 130–156; *Итина Л.* «Я был искателем чудес...» // *Фантакрим MEGA (Минск).* 1994. № 1. С. 32–37; *Итина Л.* Поэт, писатель и путешественник // *Вестник.* № 5 (342) 2004. 3 марта. URL: <http://www.vestnik.com/issues/2004/0303/win/itina.htm>

ко, как написал сын, религиозных убеждений. Затем, окончив университет и обосновавшись в Уфе адвокатом, «выбился своим трудом» в люди. Его сын с полным основанием утверждал: «Я появился в семье, когда она была довольно зажиточной». Итин-старший придерживался кадетских взглядов. Сын был радикальней. В 1925 г. он писал, что участвовал в 1905–1906 гг. в рукописном революционном журнале, «впоследствии конфискованном охранкой». Тогда ему было 11–12 лет и, «как все революционно настроенные мальчишки сочувствовал, конечно, террористам, а не с.-д.». В уфимском реальном училище Вивиан был одним из первых учеников, но в 1912 г., думая о будущей стезе, первоначально пошёл, «вопреки традициям» семьи, учиться не на юриста, а в Психоневрологический институт. Чтобы из реального училища поступить в университет, нужно было дополнительно сдать латынь, которую преподавали только в гимназиях. Вивиан отучился на общеобразовательном факультете института год, однако в 1913 г. всё же сдал латынь и перешёл на юридический факультет Петербургского университета. Курса он не окончил, поскольку его увлекли революционные события, но в анкетах обычно указывал, что имел высшее образование¹.

В политических и научных вопросах юный Вивиан находился под влиянием профессора-правоведа М.А. Рейснера, чему способствовало постоянное посещение его семьи. Свои первые литературные опыты он напечатал в журнале «Рудин», издаваемом дочерью профессора Ларисой Рейснер. Красивый талантливый юноша, сочинявший стихи и прозу, типичные для прямой атмосферы серебряного века, встретил свержение царизма с восторгом. Итин писал о себе: «Активно участвовал в февральской революции. Накануне ездил с детьми проф. Рейснера Игорем и Ларисой в Сестрорецк известить большевистский комитет рабочих оружейного завода. Затем работал в студенческой милиции. Летом того же года, ради заработка, поступил в министерство торговли и промышленности на незначительную должность». Несмотря на «всеобщий саботаж интеллигенции» после октябрьского переворота, Итин остался в голодном Петрограде, хотя имел все возможности уехать в сытую Уфу. Уже 11 декабря 1917 г. Вивиан был устроен в отделение государственного права Наркомата юстиции РСФСР — по протекции М. Рейснера, который и руководил отделением. В правящую партию он вступать не торопился, поскольку без удо-

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 31.

вольствия наблюдал одномерность коммунистов и их жажду всё сильнее углублять противостояние в обществе. В апреле 1918 г. в адресованном Л. Рейснер интимном письме молодой советский чиновник писал о дрязгах в наркомате и высказывался против классового подхода при оценке конкретных личностей: «Я страдаю только от одного: Где бы мне найти друзей воодушевленных, одиноких или хотя бы только жадных, презирующих гнусное равенство! Что теперь говорят про людей! N — комиссар, X — большевик, Z — контрреволюционер. Это все: пусто»¹.

В марте 1918 г. в составе служащих аппарата советского правительства Итин был эвакуирован в Москву, где вместе с отцом и сыном Рейснерами и другими коллегами из отделения государственного права хотел вступить в РКП(б), но летом «из-за подорванного голодом здоровья неосторожно воспользовался отпуском и уехал, водным путем, в Уфу». В родной город Итин прибыл голодный, усталый и первые дни занимался только тем, что «ел белые булки»². А всего три дня спустя власть неожиданно переменилась.

В ходе мятежа Чехословацкого корпуса Советская власть в Уфе стремительно пала: местные власти бежали из города в течение одной июльской ночи. Остаться в Уфе молодому человеку было опасно — некоторые циркуляры советского наркомата юстиции были подписаны Итиным и стали «известны в городе, а один офицер-меньшевик сделал мне предупреждение». Итин позднее прямо отвечал, что тогда, когда «события мчались», потерял надежду на победу революции, прибавляя: «В то время, конечно, в победе сомневались и коммунисты». Вот его правдивая оценка своего окружения и себя лично: «Вся интеллигенция, к которой я принадлежал, с людьми вроде [И.М.] Майского (теперь видный коммунист, как известно) организовывала борьбу против большевиков. Я не был коммунистом. Я еще был „сочувствующий“. Ни рыба, ни мясо. Поэтому я ухватился за [американскую] миссию, как за возможность побыть в стороне от событий. Кроме того, не скрою, меня привлекала самая эта экзотика: американцы... переводчик. Каждый интеллигент приходит к коммунизму совсем другим путем, чем рабочий, повинующийся простому классовому зову, отметил т. Ленин. Мне пришлось проделать этот неизбежный путь»³.

¹ *Итина Л.* «Я был искателем чудес...» // Фантаkrim MEGA (Минск). 1994. № 1. С. 33.

² ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 30–31 об.

³ Там же. Л. 32, 39.

Формируя свои войска, Комуч провёл мобилизацию, и Итина «записали на довольствие» в русско-чешский полк, где он «три месяца был рядовым телеграфистом». По оценке Итина, «полк представлял собой смесь из люмпен-пролетариата и эсеровско-меньшевистской интеллигенции». Командный состав в нём был чешским, чинов и знаков отличий не было, так что, по оценке писателя, полк являлся не столько регулярной частью, сколько «гвардией Комуча». После революции в Германии и переворота А.В. Колчака полк распался, и его начальство «выдало мне удостоверение о прикомандировании к американской миссии Красного креста — не вполне законное». Случай работы переводчиком у американцев показался Итину, знавшему английский, «крайне подходящим». Этот документ позволил убедить американцев, что молодой человек — не дезертир, а от явки по мобилизации в белую Сибирскую армию его избавило постоянное проживание в железнодорожном вагоне и отсутствие прописки.

Работа в 1919 г. в американской Христианской ассоциации молодёжи (ИМКА), занимавшейся невыразительной религиозной пропагандой в Белой армии и организовывавшей культурный досуг военнослужащих, была отличным выходом для начинающего литератора, не горевшего желанием участвовать в бойне Гражданской войны. По своей личной оценке, Итин чувствовал себя на службе в миссии спокойно, ибо она не столько помогала, сколько вредила белым и вызывала негодование черносотенных кругов¹. С большим достоинством он тогда же отвечал партийным товарищам, правда, значительно убавляя себе возраст, чтобы выглядеть более юным: «Припоминая свои скитания у белых, я должен сказать, что нисколько не сожалею теперь о них. Мне было тогда 22–23 года. Если бы я остался в Наркомюсте, я, вероятно, спокойно продолжал бы кабинетную работу и „вес“ мой в партии был бы выше, но я никогда не узнал бы так хорошо подлинную жизнь и людей. А из всех знаний и опыта — это самое ценное, т.к. прямым путем ведет к Марксу и Ленину»².

«Подписывал смертные приговоры...»

Крах колчаковского режима поставил перед 26-летним Итиным вопрос о выборе, и наш герой его сделал не в пользу эмигра-

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 26.

² Там же. Л. 32–32 об.

ции или подпольного сопротивления. Беспощадная власть большевиков наглядно демонстрировала силу принципов «горе побеждённым» и «кто не с нами, тот против нас». Незавидное положение «спеца» из бывших белогвардейцев Итин постарался как можно скорее обменять на неизмеримо более высокий статус члена правящей большевистской партии. Его служба в коммунистической прессе, реквизиционной комиссии и органах советской юстиции наглядно продемонстрировала рафинированному интеллигенту и щёголю специфику революционного правосудия и новых жизненных начал.

Как выпускник юридического факультета Итин, в условиях крайнего кадрового голода, довольно быстро получил очень ответственную должность врио заведующего губернским юридическим отделом в Красноярске. Между тем, даже очень своеобразная «революционная законность» находилась в зачаточном состоянии, и кровь в большевизированной губернии лилась повсюду. Очевидец не без содрогания описывал в газете, в которой сотрудничал Итин, происходившее зимой в начале 1920 г. в Красноярске и его окрестностях, когда десятки тысяч военнослужащих 3-й армии белых сдались 5-й армии красных. Пленных в мороз крестьяне не пускали ни ночевать, ни греться: «Особенно жуткая была картина, когда приходили офицерские обозы. Сейчас же их окружала толпа. Обыватели старались забрать лошадей, упряжь и сани. [...] Так было с обозами, которые попадали в руки власти; те же, кто попадал в руки населения, — раздевались чуть не донага. Больные и раненые, по рассказу одного врача, были выброшены из подвод и лошади захватывались»¹.

Сотрудники Енисейской губчека весной 1920 г. отмечали, что на местах в милиции и ревкомах устроились разные «тёмные личности», а «в некоторых деревнях каждого новоприезжего встречали словами: „Опять приехал коммунист“»². Поэтому партийность для самого Итина, чьи шансы уцелеть были поначалу сомнительными, оказалась средством, а не целью. Редактируя в 1922 г. для печати свою первую повесть «Страна Гонгури», Итин вложил в уста главного героя такие характерные для своего настроения тех лет строки (в переизданиях они, разумеется, отсутствовали): «Ты знаешь, я не люблю членов партии. Я знаю, что

¹ Гусев А. Вчерашнее // Красноярский рабочий. 1920. 7 марта.

² ГАНУ. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 85–85 об.

они необходимы в эпоху борьбы и армий, и что они хорошие боевые товарищи, но я не люблю их»¹.

Недолгая работа в тесном контакте с известной своими зверскими расправами Енисейской губчека превосходно показала Итину истинное лицо победителей, в партию которых он поспешил записаться. Как отмечали советские руководители — незадолго до принятия Итиным должности в губюсте, — Енисейская губчека не считала нужным считаться не только с отделом юстиции, но и даже с губревкомом. Предшественник Итина отмечал, что атмосфера в губчека сложилась «весьма тяжелая»². Высокопоставленный коммунист, заместитель председателя Сибревкома В.Н. Соколов в июне 1920 г. сообщал своим коллегам в Омск об ужасном впечатлении от подвалов губчека («кровь так и стоит глубокими черными лужами, в землю не впитывается») и от чекистского начальства («автоматы крови и убийства»)³.

Как сообщал Итин в официальной и в личной переписке, ему пришлось, доказывая приверженность революционной борьбе с врагами, проявлять необходимую беспощадность. В апелляции к партийным товарищам он восклицал: «С момента вступления в партию я был завгубюстом, входил в коллегию ГУБ.Ч.К. и подписывал смертные приговоры белогвардейцам...»⁴. В письме к старому интеллигенту-литературоведу М.К. Азадовскому Итин тоже нажимал на тему своего участия в репрессиях, хотя и не ограничивался ею: «Я подписывал смертные приговоры в коллегии губчека и выручал спешно приговоренных к смерти, председательствовал в реквизиционной комиссии и вводил революционную законность, раздавал церковное вино — губздраву, колокола — губсовнархозу и руководил комиссией по охране памятников искусства и старины»⁵. Итин делал всё, что приказывали: «...Вел антирелигиозный отдел в „Красноярском рабочем“, был лектором партшколы, агитатором. Поэтому губком перебросил меня на чисто партийную работу в уездный город Канск, где я был завпо-

¹ Итина Л. «Я был искателем чудес...»... С. 33–34.

² Там же. Л. 16 об.

³ Шишкин В.И. Енисейская губернская чека в 1920 году: дела и нравы // Гуманитарные науки в Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 1994. С. 48–53.

⁴ ГАНУ. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 26.

⁵ Литературное наследство Сибири. Т. 1. Новосибирск, 1969. С. 237.

литпросветом, заважитотделом укома, редактором газеты «Канский крестьянин» и пр.»¹.

Итину хотелось уехать в Москву и вернуться к привычной жизни, но товарищи в Красноярске уговорили его «...остаться налаживать отдел юстиции. Я был назначен завед[ующим] общим отделом, наиболее важным в то время». В «Известиях Сибревкома» был опубликован отзыв заместителя заведующего отделом юстиции Сибревкома К.А. Попова, свидетельствующий о том, что красноярский отдел юстиции «был наиболее деятельным». Итин писал, что в партию вступил не сразу. Только когда товарищи его узнали как работника, он подал заявление о приеме в объединённую ячейку губревкома и губревтрибунала, был принят кандидатом в члены РКП(б), и губком дал ему вместо полугода всего три месяца испытательного срока. В декабре 1920 г. Итин стал полноправным членом РКП(б), что считал «естественным завершением» своего развития, задержанного «двухлетним промежутком моих приключений»², и с января 1921 г. исполнял обязанности председателя губюста.

Работа юриста Итина «по специальности», к счастью для него, вскоре осталась в прошлом. Неизвестно, участвовал ли он в контроле за исполнением казней, но такой вариант возможен. Так или иначе, в 1921 г. Итина с ответственной должности губернского масштаба перебросили в уездный Канск на чуть более спокойную в моральном смысле, хотя и хлопотную работу, и он занимался в уездном центре, где был одним из немногих образованных людей, организацией пропагандистской деятельности большевистского аппарата. Там же ему удалось вернуться к литературе.

Поэму о кровожадных похождениях участников так называемой Тасеевской партизанской республики, существовавшей в Канском уезде, Итин, насколько можно судить, не закончил, но переделал для печати написанную ещё в 1916 г. повесть с фантастическим сюжетом. Писатель выбросил не отвечающих эпохе персонажей — «сентиментального пастора и блоковскую девушку», превратив главного героя в революционера, которому в колчаковской тюрьме перед расстрелом снятся необыкновенные видения о путешествиях в инопланетных мирах. Повесть «Страна Гонгури» (другое название — «Открытие Риэля») считается пер-

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 26.

² Там же. Л. 32 об.

вым советским фантастическим произведением. Она не блещет особыми художественными достоинствами, но сохраняет статус оригинальной и очень ранней коммунистической утопии.

Опубликовав в Канске благодаря служебному положению «Страну Гонгури», Итин постарался сделать всё, чтобы быстрее закончить со службой и стать человеком искусства. В июне 1922 г. решением Сиббюро ЦК РКП(б) его перевели в Сибкрайгосиздат как испытанного ответственными заданиями интеллигента, обязанного проводить линию партии на фронте культуры. Двенадцатого июня Итин получил от Канского укома удостоверение, в котором отмечались и проявленные «максимум энергии» при совмещении трёх должностей, и «безукоризненное выполнение данного ему укомом доверия»¹.

Возглавлял Сибирское государственное издательство с 1922 по 1928 гг. послуживший сначала белым офицером, а потом армейским политработником М.М. Басов, который был на четыре года моложе Итина, но имел солидный опыт судебной и партийно-пропагандистской работы. Обосновавшись в Новониколаевске, бывшие большевистские правоохранители и профессиональные пропагандисты внесли огромный вклад в собирание скудных литературных сил Сибири. Итин в свободное от службы время преимущественно писал стихи (первая книжка вышла уже в 1923 г.) и вскоре приступил к роману о Гражданской войне, главы из которого печатал до 1933 г., но так и не закончил.

Эпоха отпускала его в литературу неохотно, требуя тяжёлых компромиссов. Этот тонкий, замкнутый, погружённый в себя красивый человек должен был основную часть времени и дара отдавать обязательным вещам — советский писатель, если хотел добиться положения, вынуждался следовать конъюнктуре. Будучи способным, но небольшим провинциальным литератором, Итин мог существовать, предлагая на советский рынок востребованный товар. «Страна Гонгури», отмеченная в доброжелательном письме М. Горьким, советской прессой была раскритикована, и Вивиан Азарьевич более не занимался фантастикой. Ему нашлось достойное положение в ведущем краевом журнале «Сибирские огни», где он печатал стихи, рецензии и очерки, пользуясь тем, что идеологические правила нэповской эпохи оказались весьма широкими. В 1922 г. он опубликовал мини-рецензию на посмертные

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 26 об.

издания Н. Гумилёва, где смело заявил: «Значение Гумилева и его влияние на современников огромно. Его смерть и для революционной России остается глубокой трагедией. И никто, надеюсь, не повторит вслед за поэтом: „Как все это просто, хорошо и совсем не больно“»¹. Символично, что 16 лет спустя Итин повторит именно судьбу Гумилёва...

Но в том же 1922 г. редактору «Сибирских огней» В.Я. Зазубрину Итин посвятил страшное стихотворение об отказе интеллигента от прошлого во имя революционной нови. В.Я. Зазубрин нередко шёл против течения, совершая очень смелые литературные поступки. Работавший с ним Итин поэтически высказался о требовании времени так же, как это делали В. Маяковский, Э. Багрицкий и другие партийные и беспартийные литераторы. Раз «век поджидает на мостовой», нужно идти на его зов с поднятыми руками, силой просветляя своё буржуазное сознание. Согласие на внутренний террор было нужно творческим душам, чтобы выжечь прошлое, сомкнув пальцы на горле второго, интеллигентского «я». Итин, обращаясь к остро переживавшему ужасы подвалов чека В.Я. Зазубрину, твёрдо призывал к огосударствлению души:

Террор ясен и убить так просто.
В наших душах нам нужней чека —
Пулей маузера, в подвалах мозга,
Пригвоздить ревушие века.
[...]
Жаждой радости и дрожью горя
Беззаветно полня чрево бытия,
Нужно пальцы чувствовать – на горле
Своего второго я.

Другие его стихи этих лет, воспевавшие логику противостояния («Стальной рукой подписывать смертный приговор / И звать миллиарды во имя солнечной грезы»), тоже очень красноречивы: «Кто смерть видал...», «В Трибунале»². Путь растворения в государственной идеологии был навязан многим литераторам. Вполне беспринципный поэт и прозаик Г.А. Вяткин³, недавний колчаков-

¹ Сибирские огни. 1922. № 4. С. 197.

² Сибирские огни. 1922. № 1. С. 35; № 5. С. 51.

³ Шишкин В.И. Поэт и власть: Г.А. Вяткин в годы гражданской войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. Новосибирск, 2004. Т. 2. Вып. 2. С. 62–75.

ский пропагандист, уже в одном из первых номеров «Сибирских огней» напечатал рассказ с мимолётным указанием на жёсткие допросы в чека белых офицеров и чиновников, кончавшихся нередко расстрелами. Стоит отметить, что активный сотрудник белой печати Вс. Иванов, переделав свою антибольшевистскую повесть, превратил её в расхваленный критикой «Бронепроезд 14-69», а активный участник салонов серебряного века С. Ауслендер, автор панегирической биографии адмирала А.В. Колчака, затем стал популярным детским писателем. Биографии Брюсова, Горького, Есенина в этом отношении также совершенно хрестоматийны, что говорит о распространённости форм мимикрии в творческой среде. Что касается Итина, то молодой писатель, возобновив литературные занятия, сразу переделал старую повесть и превратил главного героя в жертву террора А.В. Колчака. Его сочувствие Гумилёву, похоже, не распространялось на других мучеников красных расправ.

Итину на руководящей работе в Канском уезде, где всё это время свирепствовал партизанский красный бандитизм, с помощью которого власть негласно расправлялась с классовыми врагами, довелось увидеть ужасов Гражданской войны вряд ли меньше, чем В.Я. Зазубрину: он был на проходившем в Красноярске суде над группой бывших партизан, задушивших около полусотни жертв (и подобные массовые расправы в уезде были не единичны), где главарь открыто заявлял: «Я зверь, я привык к трупам...»¹. Но все неизбежные рефлексии Итина были внутри, и он обычно их не показывал, оставшись в памяти мемуаристов либо флегматичным и не от мира сего сочинителем, глубоко погружённым в мысли о литературе, либо чётким организатором местной писательской жизни.

В нэповские годы «Сибирские огни», возглавлявшиеся В.Я. Зазубриным, контуженным беспощадностью противостояния так, что своих главных героев-чекистов он разыскивал с целью получить информацию даже в психиатрических больницах, опубликовали множество острых материалов, то и дело подвергавшихся не менее резкой критике со стороны ортодоксов. Левацкий литературный журнал «Настоящее» довёл градус нападок до такого уровня, что В.Я. Зазубрину пришлось оставить журнал и покинуть Новоси-

¹ *Шишкин В.И.* Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992. С. 59–63.

бирск. Однако вскоре и «напостовская» линия критики «Настоящего», опиравшегося на позиции, признанные троцкистскими, оказалась несозвучной генеральной линии. После вольностей В.Я. Зазубрина пришла эпоха более спокойных и управляемых редакторов. Партия направила к руководству главного журнала Сибири и в целом сибирскими литературными силами интеллигентного и идеологически выдержанного Вивиана Итина. Однако перед тем ему пришлось пережить серьёзное испытание партийным недоверием, спровоцированным чекистской слежкой.

Агентурное дело «Слон»

Весной 1925 г. Итин был исключён из партии и смог восстановиться только полгода спустя, после очень серьёзных усилий. Какой-то малограмотный сексот состряпал на него донос, который в нужный момент получил развитие. Уполномоченный контрразведывательного отдела Новониколаевского губотдела ОГПУ Прохоров и его начальник И.А. Жабрев 5 апреля 1924 г. в дневниковой сводке, составленной 5 марта 1924 г., под разделом «Монархисты» указали (от источника «Русмана»), что в Новониколаевске нелегально живут бывший нотариус из Уфы Вениамин Итин, «ярый монархист, ранее состоял в партии монархистов, и некто уфимский поэт ПОПОВ, псевдоним ГОРИНОВ, также монархист»¹.

Оба указанные являются личными друзьями САВИНКОВА. ПОПОВ и ИТИН достаточно скомпрометированы в полит[ическом] отношении пред Соввластью, что в гор. УФУ бояться показаться. Допускается возможность, что они живут вместе не спроста, и именно в гор. Н.Николаевске.

Рапорт „РУСМАН“.

Агент, конечно, спутал «Вениамина» Итина с видным уфимским юристом Азарием Итиным. Но указание на то, что в Новониколаевске действуют тайные сторонники эмигранта Б.В. Савинкова, вызвало немедленную реакцию чекистов². Уже 7 марта появилось задание срочно установить адрес Итина, выявить «политфизиономию и круг знакомств», а если фигурант выбыл, то необходимо было узнать, куда именно. Тут же последовал запрос контрразведчиков Новониколаевска в Башкирский облотдел ОГПУ с передачей сведений об Итине и Попове-Горинове и просьбой собрать и выслать биографические и политические характеристики. Вскоре «Ве-

¹ Так в тексте.

² ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 2.

ниамин» Итин был обнаружен на ответственном посту в Сибкрайгосиздате и копия его анкеты оказалась подшита в агентурное дело № 139 «Слон» («савинковцы»), заведённое 29 марта¹. Тогда Итин являлся заведующим редакционной частью Сибкрайиздата, ответственным секретарём недолговременного журнала «Сибирь» и литературным докладчиком в «Сибирских огнях». Перлюстрация переписки вскоре дала уфимским чекистам первые и обнадёжившие их сведения о политическом лице семейства Итиных.

Месяц спустя после сигнала «Русмана», 7 апреля 1924 г., начальник Башкирского облотдела ОГПУ Белогуров адресовал новониколаевским коллегам просьбу сообщить, конфисковано ли отправленное 3 апреля из Уфы письмо на имя Вивиана Итина, куда был вложен полис застрахованного Азария Итина на 5 тыс. руб. золотом, срок которого истек в 1926 г. Не имея возможности получить эти деньги в СССР, Итин-старший послал полис сыну (согласно чекистским сведениям, коммунисту), чтобы тот отправил его за границу какому-нибудь знакомому американцу и получил деньги, уплатив посреднику определённый процент. По шифровке уфимской почтово-телеграфной конторы письмо должны были изъять новониколаевские почтовики. Белогуров указывал, что если почта этого не сделала, пусть полис вместе с перепиской изымут чекисты для «привлечения отправителя к ответственности». Далее в деле подшит акт от 10 апреля 1924 г. о вскрытии новониколаевской почтово-телеграфной конторой — в присутствии агента ОГПУ — заказного письма с полисом, поступившего из Уфы 8 апреля².

Чекисты получили задание выявить уфимца Попова-Горина и установить за ним и Итиным внутреннее наблюдение, т.е. через агентов. Парадокс заключался в том, что Итин по должности сам вполне мог входить в состав бюро содействия ОГПУ, созданные в 1922 г. из партийного начальства в серьёзных учреждениях для слежки за инопартийными и инакомыслящими специалистами. Между тем 21 апреля 1924 г. помощник уполномоченного Новониколаевского губотдела ОГПУ Е.Н. Радостин получил задание о осуществлять перлюстрацию переписки Итина. Радостин и Жабрев 30 апреля уведомили начальство, что Итин получил вскрытое на почте письмо отца и что перлюстрация продолжается. Копия от-

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 5, 3, 4.

² Там же. Л. 7–7 об., 14.

цовского письма 13 мая 1924 г. также подшита к делу: «Вива, ты пишешь, что пакет на твоё имя со вложением документов вскрыли и задержали... Странно, по советскому законодательству выемка писем допускается в случае возбуждения уголовного преследования и притом с разрешения прокурора. По-видимому[,] для некоторых субъектов закон не писан...». Отец предлагал переслать полис через работавших в Новониколаевске рабочих-американцев, а о семье сообщал не очень радостные вести: «Живется неважно. Как тебе известно[,] я уже давно не служу[,] попал под „сокращение“. Поступил в члены коллегии защитников, но практика пока плохая, ещё не выручил даже уплоченных налогов за право ведения дела...[,] занимаюсь чтением французских и немецких книг, недавно прочёл переписку Гейне. Очень интересные письма: сколько ему пришлось перестрадать как писателю... [...] Нина пишет, что в университете предполагается “чистка”. Не лучше ли оформить, что она находится на твоём иждивении, или прими[,] если возможно[,] соответствующие меры...»¹.

Отвечая на запрос из Уфы, контрразведчики писали, что письмо Азария Итина не было конфисковано, а передано В.А. Итину, полис им пока никуда не отправлен, а перлюстрация продолжается. В Уфе было известно, что Азарий Итин ведёт переписку с неким Василием Ивановичем Поповым, но местожительство последнего чекистами выяснено не было. В свою очередь, новониколаевские чекисты запросили данные на Вивиана Итина и поэта Попова. Башкирский облотдел ГПУ только 16 июня 1924 г. ответил, что на Вивиана Итина у них материалов нет — напротив, он именно в Новониколаевске занимает ответственную должность. Что касается поэта Попова, то он не находился в агентурной разработке, что говорило об отказе уфимских чекистов следить за мифическим «савинковцем».

В копии перехваченного ответа Вивиана отцу сообщалось: «...Перед отъездом в Крым решил съездить в Кемерово[, в] Американскую индустриальную колонию. Но с полисом едва ли что-нибудь выйдет. На свой запрос в Нью-Йорк ответ до сих пор не получал. Едва ли так же кто-нибудь из американцев вздумает купить его». Там же Итин сообщил, что консульства США в России нет, а в Новониколаевске имеется только германское².

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 11, 12, 14, 15.

² Там же. Л. 17–19.

Изучив письма Итиных и послания уфимских чекистов, в Новониколаевске поняли, что дело «Слон» не имеет перспективы и связей с Савинковым, по чекистскому жаргону, не «размотать». Заместитель начальника губотдела Г.А. Молчанов вместе с Жабревым и Радостиным подписали 9 июля 1924 г. обзор этого дела, допустив, что, возможно, В.И. Попов — тот самый поэт, что знаком с Савинковым. Нейтрально было отмечено, что В. Итин собирается ехать в Кемерово и сделал запрос в США относительно полиса, но ответа пока не получил: «Дальнейшее наблюдение за ИТИНЫМ и перлюстрация корреспонденции продолжается, но дело пред[о]ставляется в Губ К.К.». В итоге пять дней спустя Радостин заключил, что монархистом, упомянутым в первичном агентурном сообщении, на самом деле является отец Итина Азарий, и направил дело в губернскую контрольную комиссию¹.

Материалы столь невыразительного агентурного дела на Итина вряд ли бы получили развитие в партийных инстанциях, но в 1925 г. грянула очередная кампания по проверке партийных документов — по сути, партийная чистка. В протоколе проверочной комиссии от 9 апреля 1925 г. сообщается, что ячейка ОГПУ, к которой был прикреплен и Итин, исключила его из партии. Итин был обвинен в том, что, будучи политически развитым, ничем себя не проявил как партийный работник: «Активно работал у белых и иностранцев и Колчака, колеблющийся (sic! — А.Т.) элемент. Скрыт[н]ый трудно поддается выявлению». Отсюда последовал вывод: «Проверкомом проверить его преданность рабочему классу не удалось. А по сему постановили исключить из рядов партии на два года»².

Председатель одной из проверочных комиссий, бывший крупный чекист Ф.А. Сова-Степняк, заявил перед проверкой на собрании ячейки губотдела ОГПУ, что в деле партпроверки «лучше перегнуть, чем не догнуть: если не догнешь — вредный элемент останется в партии, если перегнешь — ошибку исправит контрольная комиссия»³. Трудно представить, чтобы Итин не упомянул при разборе его дела о своей работе с чекистами в Красноярске, но пронять «чистильщиков» этим не смог. Четырнадцатого апреля 1925 г. Итин апеллировал в губернскую контроль-

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 20–22.

² ГАНО. Ф.П-11. Оп. 2. Д. 683. Л. 2.

³ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 24.

ную комиссию, потребовав от партийных контролёров признать ошибку: «Соглашаясь в принципе с т. Степняком, прошу ГУБ.КК исправить один из таких „перегибов“»¹. Итин заявил, что ИМКА не была частью колчаковской армии и он там служил для уклонения от мобилизации, причем указывал, что у американского христианского союза «был целый ряд конфликтов с колчаковцами, чем он вольно или невольно содействовал разложению белых и в конце концов был изгнан Колчаком». Писатель сообщил, что вместе с ним в миссии Красного креста скрывались несколько большевиков — русских и немцев-военнопленных. Однако, как указывал Итин в последовавшей апелляции в краевые инстанции, в губКК на это ответили, что реабилитирующую писателя информацию проверить трудно и считали «миссию хуже колчаковской армии»².

Далее Итин признал, что в Новониколаевске его партийная работа стала менее заметной из-за обострения хронического афтозного стоматита, затруднявшего речь и мешавшего агитировать словом: «С этого времени я преимущественно писатель, беллетрист и поэт, литературный работник». Хотя в еженедельнике ЦК РКП(б) «Красная печать» (1924 г., № 12) появилась отрицательная рецензия на «Сибирские огни», тем не менее в нём было отмечено: «Более всего проникнуты духом революции стихи Вивиана Итина...». Удостоен похвалы был также поэтический отдел, как эволюционирующий «в сторону приближения к революционной действительности...». Итин не преминул сообщить, что с 1923 г. отдел стихов «составляю и фактически редактирую я»³.

Заслуги Итина в собирании и пестовании поэтических сил были очевидны. В 1920-е годы «Сибирские огни» активно печатали как молодых и очень талантливых Леонида Мартынова и Павла Васильева, так и куда более скромно одарённую Лидию Лесную, которая в 1917 г. в «Новом Сатириконе» Аркадия Аверченко публиковала как салонные, так и антибольшевистские стихи.

Одновременно Итин вёл большую переписку с начинающими авторами из комсомольцев, рабочих и крестьян. «Многие из них теперь крепко встали на ноги, — сообщал он. [...] Революционизирование сибирской поэзии объясняется, конечно, притоком этих свежих сил. Начинающие писатели и поэты теперешняя моя

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 24, 27 об.

² Там же. Л. 38 об.

³ Там же. Л. 25, 26.

аудитория. Эта работа не учитывается партийными комитетами, но в сущности является, в значительной степени, партийной пропагандистской деятельностью». К апелляции поэт приложил отзыв курсанта омской партийной школы Геннадия Акимова, возмущенно отозвавшегося в письме к Итину от 10 февраля 1925 г. за его внимание к стихам деревенского парня.

Также в апелляции Итин процитировал письмо В.И. Ленина М. Горькому от 1908 г., где вождь просил классика не отрываться от большой вещи в пользу маленькой для партийной прессы. Он отметил, что ленинские письма проникнуты, при всех резких разногласиях с М. Горьким, «чрезвычайно бережным отношением к таланту, этому „казенному имуществу“, как выражался Ильич». Итин с достоинством указывал начальству: «Словом, я считаю, что если мне удастся, даже за всю свою жизнь, дать несколько крупных революционно-художественных вещей (а я иду к этому упорно), это будет гораздо ценнее для партии всякой другой, так называемой чисто-партийной работы. [...] Я уверен, что ошибка комиссии была продиктована ненавистью ее рабочего состава по отношению к интеллигенции. Я разделяю и оправдываю эту ненависть в отношении к интеллигенции как классу, выступившему против рабочей революции, но подобное конкретное применение своей неприязни по отношению к коммунисту, я думаю должно быть заклеено с негодованием»¹.

Имеющийся у чекистов минимальный материал на Итина не устраивал партийное руководство губернии, тем более, что с лета 1924 г. в нём не было ничего нового. В марте 1925 г. губКК запросила губотдел ОГПУ дать дополнительные материалы, ссылаясь на то, что в присланном деле по обвинению Итина было сказано, что за ним ведётся наблюдение. На это информационно-регистрационный отдел Новониколаевского губотдела ОГПУ 15 апреля сообщил в президиум губКК, что, кроме агентурных сведений о монархизме, другого компромата нет. Руководство губотдела 4 июля 1925 г. препроводило в губКК уже известное там агентурное дело № 139 «на распоряжение»².

Тем не менее Итин не только был исключён, но и его апелляция на губернском уровне не получила положительного разрешения, поскольку там согласились и с тем, что он «активный работ-

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 27.

² Там же. Л. 40–42.

ник белогвардейщины Русской и иностранной», и с мнением ячейки губотдела ОГПУ, отметившей, что Итин считает свою служебную работу «выше работы ячейковой». Партколлегия губКК РКП(б) 11 июня с негодованием отметила, что Итин, «осуждая нерешительность тройки исключившей его на два года, просит... или оставить его в партии, или исключить безоговорочно, т.к. он считает себя не плохим коммунистом и не плохим работником и исправляться ему не в чем». Вердикт губКК РКП(б) был однозначен: «[...] Из рядов РКП(б) исключить безоговорочно»¹.

В ходе дальнейших апелляций от писателя требовали порвать с отцом-«монархистом», о политических предпочтениях которого стало известно, конечно, из агентурного дела. На требования товарищей по партии разорвать отношения с отцом Итин ответил в письме в СибКК ВКП(б) 28 августа 1925 г. очень определённо: «Постановка вопроса о моем отце, сделанная Губ.К.К., была для меня неожиданная и непонятна. Мне указывали, что я должен прервать с ним всякие сношения, раз он был кадетом. Мой отец сейчас не кадет и советской властью не преследовался. Я пишу своей семье раз в месяц короткие письма. О чем здесь говорить?.. Анекдот со страховым полисом теперь достаточно разъяснен. Я вернул полис отцу, а он переслал его в „Кредит-Бюро“, специально созданную советской властью организацию для ведения дел с иностранными страховыми обществами...»². А несколько дней спустя появилась записка Итина в СибКК от 3 сентября 1925 г., раскрывавшая трагическое событие в семье писателя: «Мой сын внезапно умер, от дизентерии. Мне сейчас трудно интересоваться моей личной судьбой. Поэтому прошу разобрать мое дело заочно»³.

В СибКК ВКП(б) предпочли всё же рассмотреть дело в присутствии писателя, что и произошло ещё месяц спустя. Контролёры отметили, что Итин не был активным у белых и не скрывал при поступлении в партию своей службы у врага, активно участвовал (оговорено, что со слов самого Итина) во всех партийных заданиях, хотя и скрыл в анкете выговор за резкость в печати. Зато Итин не скрывал, что заочно был осуждён нарсудом к штрафу 1000 руб. дензнаками 1922 г. за то, что забыл сняться с учёта в губвоенкомате, когда уезжал из Енисейской губернии. В чём про-

¹ ГАНО. Ф.П-11. Оп. 2. Д. 683. Л. 1.

² ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 35–35 об.

³ Там же. Л. 43.

являлись его пассивность и колебания как коммуниста, контролёры не обнаружили. В итоге 5 октября 1925 г. решение об исключении из партии было отменено и Итина постановили считать прошедшим партийную проверку¹. Таким образом, дело на Итина оказалось для чекистов неперспективным и всё ограничилось внутривнутрипартийным обсуждением. Номенклатурный литератор пока оставался своим. Но лёгкая утрата партбилета, конечно, показала ему силу грубой большевистской бдительности.

Под дамокловым мечом

Далее карьера Итина более десятилетия шла в гору, хотя в ней случались тревожные эпизоды. В 1926 г. состоялся съезд сибирских писателей, на котором Итин был избран секретарём писательского правления. Но в 1928 г. началась травля «Сибирских огней» ортодоксами-леваками из группы «Настоящее». Но именно Итину в итоге доверили на не очень продолжительное время журнал, а «настоященцев» после их грубой атаки на М. Горького разогнали. В эпоху привычного для красных интеллигентов двоемыслия Итин работал над романом о Гражданской войне, но печатался на более актуальные темы, надолго превратившись в поэта освоения русского Севера. Этот остроактуальный и яркий материал позволил ему издать несколько пришедшихся ко двору талантливых книг документальной прозы и заслуженно выдвигнуться в первые лица литературной жизни бурно растущего Новосибирска. Журнал «Сибирские огни», до конца 1920-х годов публиковавший острые вещи, привлекавшие широкое читательское внимание, фактически был разгромлен ортодоксами, а его яркий редактор В.Я. Зазубрин вынужденно уехал в Москву. Журнал после эпохи великого перелома стал терять своё лицо, разделив судьбу многих изданий.

Правда, в 1930-е годы Итин, который масштабом литературного дарования уступал В.Я. Зазубрину, став редактором «Сибирских огней», мучительно пытался совмещать следование партийным директивам с желанием делать достойный журнал и нередко публиковал в нём интересные вещи. Между тем, писателям диктовали, что они обязаны творить в ровном темпе, повышать свою политическую грамотность и не смеют ссылаться на вдохновение. На партийной чистке новосибирских писателей

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 48; Ф.П-11. Оп. 2. Д. 683. Л. 2.

в 1934 г. прозвучали обращённые к ним руководящие требования «решительно изменить методы своей творческой работы, чтобы в действительности осуществлять авангардную роль на этом ответственном участке работы партии... повести решительную борьбу с самотеком в выборе писателями тем для творческой работы, беспощадно разоблачая и критикуя укоренившиеся вредные представления о том, что творческая работа писателя всецело зависит от „вдохновения“...» и не может быть уложена в какие-то строгие рамки¹.

В 1934 г. Итина избрали ответственным редактором «Сибирских огней» и председателем правления Западно-Сибирского объединения писателей, а также делегатом первого Всесоюзного съезда писателей. Так Итин, избранный властями края для руководства не только журналом, но и местными писателями, в острый период, начавшийся после убийства С.М. Кирова, стал ещё более видным литературным чиновником, в то же время бесконечно зависимым от политической конъюнктуры.

С арестом в июне 1936 г. заведующего Сибистпартом и постоянного автора «Сибирских огней» В.Д. Вегмана к писателям пришло осознание хрупкости своего положения, тем более что под арестом уже оказались В.И. Александров, В.А. Зверев, А.А. Панкрушин, А.П. Смердов². Повинуясь начальственным указаниям, новосибирские писатели 19 августа 1936 г. провели митинг, в котором участвовали В.И. Итин, А.Л. Коптелов, А.Р. Пугачев, Г.М. Пушкарев, А.И. Ершов, М.А. Кравков, М.И. Ошаров, и вынесли резолюцию, требовавшую расстрела Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и других фигурантов процесса «антисоветского террористического центра»³.

Однако выражение даже крайней лояльности уже не являлось надёжной защитой. На глазах у Итина были арестованы и уничтожены все основные писательские силы Новосибирска: В.Д. Вегман, Г.А. Вяткин, М.А. Кравков, М.И. Ошаров, П.В. Гинцель, ряд журналистов. На самого Итина незадолго до исключения из партии были собраны крайне тенденциозные материалы. Согласно анонимной справке от 27 октября 1937 г., представленной областным партархивом, но составленной, скорее всего, органами НКВД, Итин являлся сыном присяжного поверенного, в феврале 1917 г. посту-

¹ ГАНО. Ф.П-76. Оп. 1. Д. 531. Л. 8.

² Папков С.А. Организация писателей Сибири и НКВД: погром 1936 года // Сибирские огни. Новосибирск, 2011. № 2. С. 180–188.

³ ГАНО. Ф.П-3. Оп. 1. Д. 734. Л. 111.

пил на службу в «Особое делопроизводство Министерства торговли и промышленности», которое, по словам Итина, занималось главным образом ликвидацией австро-германских предприятий и их продажей. В справке тут же делался безапелляционный вывод: «Надо полагать, что это учреждение занималось также и шпионской деятельностью».

Далее в справке говорилось, что в июне 1918 г. Итин из Москвы уехал в отпуск к родителям в Уфу, где поступил сначала в американскую миссию Красного креста, затем оказался мобилизован в чешский полк, но смог устроиться переводчиком при сопровождавшей белые войска благотворительной американской христианской ассоциации молодёжи (ИМКА). Итин уверял, что ИМКА занималась только религиозной пропагандой и организацией культурно-просветительных мероприятий. Однако в справке без каких-то доказательств значилось, что Итин якобы информировал американцев с помощью газетных сведений и систематически посещал «осведомительное управление» штаба армии Колчака.

В справке содержалась информация о том, что после оставления Омска колчаковцами Итин пытался эвакуироваться вместе с американской миссией, но под Красноярском польский эшелон, в котором он находился, был остановлен красными. Отмечались в справке и контакты с иностранцами. В частности, утверждалось, что писатель несколько лет поддерживал связь с германским консулом и, согласно заявлению Итина, трижды бывал у консула на квартире. Составитель справки резюмировал: «Все эти факты должны стать предметом обсуждения парторганизации»¹.

Обсуждение с заранее предрешённым финалом закончилось 11 ноября 1937 г. тем, что Новосибирский горком исключил его из ВКП(б). 23 декабря 1937 г. на бюро Новосибирского горкома ВКП(б) его бывший первый секретарь С.А. Шварц² (хорошо знавший Итина полтора десятилетия, так как в начале 1922 г. являлся ответственным секретарем Канского укома партии), к тому времени повышенный до председателя облизполкома, доложил апелляцию Итина. И тут же предложил её отвергнуть по сумме компрометирующих материалов: с января 1919 г. Итин служил в ИМКА; в 1935 г. крайкомом ВКП(б) ему было поставлено на вид за нарушение партдисциплины и самовосхваление в редактируемом им журнале; был

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Д.П-3745. Л. 40–41.

² Арестован 4 января 1938 г., расстрелян.

связан с врагами народа Кравковым (бывали друг у друга), Вяткиным, Ошаровым, Панкрушиным, Зверевым, причём после ареста Панкрушина и Зверева их жёны приходили на квартиру Итина; присутствовал на банкетах у германского консула Г. Гросскопфа.

Тогда Итин обратился в следующую инстанцию. Но областная партийная коллегия 17 января 1938 г. тоже утвердила его исключение из ВКП(б) за связи с германским консульством и врагами народа, за пособничество им, поскольку Итин допустил засоренность «Сибирских огней» и писательской организации арестованными ныне врагами М.А. Кравковым, В.А. Зверевым, В.И. Мрачковским¹ и др. В обвинение содержался явный намек на причастность исключённого к антисоветской работе: «Квартира Итина являлась центром сборищ (под видом танцевального кружка) враждебных элементов»².

Двадцать восьмого марта 1938 г. Итин подал апелляцию в КПК при ЦК ВКП(б). Он подробно изложил обстоятельства своей жизни и работы последних лет. Он писал, что в 1935–1937 гг. ответственным редактором «Сибирских огней» был А. Высоцкий, летом 1937 г. снятый крайкомом с выговором за грубые политические ошибки, допущенные в журнале. Сменив его, Итин работал редактором журнала всего три месяца, подписал третий и четвёртый номера за 1937 г. и целиком подготовил октябрьский номер, «составленный главным образом из революционного фольклора». В статье «Пять лет»³ он «разоблачал правотроцкистский блок в литературе, что особенно следует отметить сейчас, после процесса троцкистско-бухаринских бандитов...[,] вел борьбу с этими [враждебными элементами,] затащенными в литературу при содействии врагов, орудовавших в руководящих органах партии (Вегман, Ляшенко, Колотилов⁴ и др.)»⁵.

Характеризуя арестованных, Итин не жалел чёрных красок. Но о М.А. Кравкове, пережившем с 1920 по 1933 г. три ареста, бы-

¹ В.И. Мрачковский работал репортёром «Советской Сибири», был расстрелян как «польский шпион» 21 октября 1938 г.

² Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. П-3745. Л. 42, 43.

³ Итин В. Пять лет // Сибирские огни. Новосибирск, 1937. № 3. С. 138–142.

⁴ И.И. Ляшенко — бывший заведующий отделом руководящих парторганов Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), был арестован в 1937 г., расстрелян в 1939 г.; заведующий сельскохозяйственным отделом крайкома А.И. Колотилов был арестован 29 июля, расстрелян 27 октября 1937 г.

⁵ Архив УФСБ по Новосибирской области. Д.П-3745. Л. 44.

ло сказано более объективно и даже весьма смело: «Кравков появился в Новосибирске в конце 1935 года и написал несколько хороших рассказов о золотых приисках. Этим он обязан советской действительности, рождающей героев. В 1936 г. Кравков подал заявление о приеме в ССП. Правление ССП (возглавляемое мной) отказало Кравкову, принимая во внимание его эсеровское прошлое. Затем о рассказах Кравкова появились в печати хорошие отзывы руководителя ССП тов. [В.П.] Ставского. Вопрос был пересмотрен руководящими работниками Крайкома ВКП(б). Решение было Кравкова принять в ССП. Кроме того, я лично обращался в НКВД, к т. Жабреву¹. Возражений не было. Тогда Кравков был принят в Союз. Можно найти после этого в моем поведении элементы „потери политического чутья“?

Принимая Кравкова в Союз, я понимал, что здесь есть риск. Но я не чиновник и не трус. Нельзя было оттолкнуть из-за мерзкой перестраховки человека, проявившего талант. Кроме того, Союз писателей не учреждение, где руководитель выбирает штат по своему желанию. Писатели определяются их произведениями. А по произведениям Кравкова его разоблачить было нельзя. [...] Кравков бывал у меня на квартире ровно столько раз, сколько написал рассказов, редактировавшихся мной, т.е. довольно редко»². Эти строки были написаны о расстрелянном ещё в октябре 1937 г. ярком писателе М.А. Кравкове.

Вскоре Итин добавил разъяснение о своей роли в борьбе с врагом на литературном фронте, отметив, что в сибирской литературе орудовало немало врагов: В.Д. Вегман, М.М. Басов, В.Я. Зазубрин и др. В порядке подтверждения своей позиции к этому письму³ Итин приложил свою статью «Пять лет» с политически выдержанными в духе 1937 г. оценками сибирской литературы и писательских антипартийных группировок.

Арест, следствие, расстрел

К весне 1938 г. у новосибирских чекистов накопилось некоторое количество документов, интересных с точки зрения возможности открыть следственное дело на человека, связанного с арестованными врагами народа и переписывавшегося с заграни-

¹ И.А. Жабрев в 1933–1936 гг. возглавлял секретно политический отдел ПП ОГПУ–УНКВД по Западно-Сибирскому краю, был расстрелян в 1939 г.

² Архив УФСБ по Новосибирской области. Д.П.-3745. Л. 46–47.

³ Там же. Л. 51–52.

цей. Этой информации было вполне достаточно для расправы с только что изгнанным из партии литератором. Но поскольку актуальной для чекистов его фигура не была, ещё три месяца он, уволенный с ответственной должности, ходил на свободе, пытаясь восстановиться в партии и мучительно гадая, кто из арестованных уже даёт на него компрометирующие показания¹.

Сделать из Итина участника «правотроцкистского заговора» было несложно, поскольку он, разумеется, имел связи с номенклатурой, подлежащей уничтожению. Но работники секретно-политического отдела, занимавшиеся «внутренней контрреволюцией», в конце концов уступили Итина коллегам из отдела контрразведки, имевшим данные о его связях с иностранцами. Между основными отделами управлений НКВД во всех областях шла борьба за перспективные дела и «интересных» фигурантов. В итоге писатель достался борцам со шпионажем, ибо контрразведывательный отдел был крупнее и влиятельнее.

В апреле 1938 г. руководящими работниками контрразведывательного отдела УНКВД по Новосибирской области — начальником 6-го отделения И.И. Конновым и начальником отдела Ф.Н. Ивановым — была составлена справка на арест Итина. Подписал её начальник облуправления НКВД Г.Ф. Горбач. В справке говорилось, что Итин, бывший председатель Сибирского бюро Союза советских писателей, является агентом японской разведки и участником контрреволюционной правотроцкистской организации. Участвуя в 1930 г. в экспедиции советских судов на Северный полюс, Итин во время остановок в городах Японии связывался с белоэмигрантами и чиновниками японской полиции. В 1930–1931 гг. входил в литературную группу «Настоящее», которой руководил враг народа С.И. Сырцов. В 1932–1936 гг. Итин вместе с врагом В.Д. Вегманом «группировывал вокруг себя реакционных сибирских писателей, был связан по контрреволюционной работе с сибирскими областниками Г.А. Вяткиным, Шнейдером», а также до 1932 г. — и с бывшим белым генералом В.Г. Болдыревым. После ареста В.Д. Вегмана в 1936 г. Итин, возглавляя писательскую организацию, якобы руководил и «троцкистской группой из числа литературных работников», а затем был снят с работы и исключён из партии за пособничество и связь с врагами народа. Чекисты считали необходимым Итина арестовать и привлечь по ст. 58-6-8-10-11 УК

¹ *Итина Л.* «Я был искателем чудес...»... С. 36–37.

РСФСР (участие в шпионско-террористической организации и проведение антисоветской пропаганды)¹. Все эти обвинения являлись выдумкой. В них не было доказательств ни связи писателя с японскими спецслужбами, ни членства в «правотроцкистском заговоре». И даже в реальной группе «Настоящее» Итин никогда не состоял.

Ордер на обыск и арест был выдан 30 апреля 1938 г. сержанту госбезопасности С.М. Заяринову, с которым этот чекист вместе с лейтенантом госбезопасности А. Колчиным в тот же день явился в квартиру два дома № 3/5 на проспекте Сталина, в которой проживал Итин. В присутствии дворника-понятого Заяринов и Колчин изъяли при обыске документы Итина (паспорт, военный билет, членский билет Союза писателей, два профсоюзных билета, пять разных удостоверений), фотоаппарат, фотобумагу, «бинокль военного образца» и малокалиберную винтовку с 15 патронами. Полностью был изъят архив: 34 записные книжки и 28 общих тетрадей с разными рукописями, восемь папок рукописей об Арктике, 300 фотографий, 12 пачек негативов, 47 различных писем, адресованных Итину, и папку личной переписки. Также чекисты забрали много книг. На протоколе осталась запись: «Никаких претензий при обыске не заявлено»².

Той же ночью на Итина была заполнена стандартная анкета арестованного. Установочный допрос, который провёл оперуполномоченный контрразведывательного отдела УНКВД Заяринов, состоялся 3 мая. На нем были выяснены вехи биографии Итина, установлены ближайшие родственники, трудовая и общественная деятельность. На заявление Заяринова о том, что чекисты располагают сведениями о его переписке с границей, Итин дал подробный ответ. Он сообщил, что в Лондоне живёт его знакомый, в прошлом коммунист Т.В. Васильев, который сообщил ему «отдельные черты буржуазного быта и своей работе советского юриста». Также Итин сообщил, что несколько раз обращался в американский журнал «Азия и американское географическое общество» с просьбой выслать книги о путешествии Беринга, «Африка в XX столетии» и о проблемах полярных исследований, а в 1933 г. написал письмо жившему во Франции Илье Эренбургу и получил ответ, касающийся своей повести «Белый кит».

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Д.П-3745. Л. 1-3.

² Там же. Л. 4-6.

Однако следствие быстро нашло методы убедить писателя в том, что он враг народа. Уже на следующий день, 4 мая, сломленный Итин, признал свое участие в «шпионаже». Он рассказал о том, как некий молодой японец расспрашивал его о путешествии и, узнав, что собеседник — корреспондент журнала и писатель, попросил дать материал о Северном морском пути, соединяющем Атлантический и Тихий океаны через внутренние моря СССР. В ответ Итин сделал для японца черновой набросок о значении полярной трассы и передал ему ряд сведений о Северном морском пути. После чего японец назвал свою фамилию и тут же, отрекомендовавшись представителем японской секретной полиции, заявил, что эти сведения носят шпионский характер, стал запугивать Итина, а потом предложил сотрудничать с японской разведкой. Оказавшись в таком затруднительном положении, Итин дал согласие на сотрудничество. Затем, получив от Итина дополнительную информацию об экономике и промышленности в Западной Сибири, японец предложил Итину по возвращению в Новосибирск для дальнейшей разведывательной деятельности связаться с японским консульством в Новосибирске и обещал об этом сообщить консульству секретной почтой¹.

Согласно протоколу допроса, два месяца спустя с Итиным связался сотрудник консульства в Новосибирске Накамура, который несколько раз посещал писателя на его квартире. Он, якобы, подробно ознакомился с его литературными трудами, интересовался сведениями о близких знакомых из числа писателей и литераторов, но наиболее подробно расспрашивал о взаимоотношениях с писателем А.Л. Коптеловым. Убедившись, что у Итина с Коптеловым самые дружеские отношения, Накамура назвал Коптелова своим человеком и предложил Итину «в самые ближайшие дни встретиться с ним и получить от него ряд сведений шпионского характера об экономике быте и культуре в Ойротии». На вопрос Заяринова, выполнил ли он это задание, Итин ответил: «Да[,] выполнил[,] я на другой же день пригласил к себе на квартиру Коптелова, передал ему о своем разговоре с сотрудником японского консульства Накамура и тут же получил от него в письменном тексте интересующие японскую разведку материалы об Ойротии[,] которые впоследствии мной были переданы Накамура»².

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Д.П-3745. Л. 12–13 об.

² Там же. Л. 14.

Грубая ложь следователя при оформлении этого рокового для Итина протокола более чем очевидна — сведения о полярной трассе были несекретными. Вся версия следствия выглядела абсолютно ложной — реально существовавший Накамура уехал из Новосибирска за два года до путешествия Итина, но следователь не стал возиться с фамилиями японских разведчиков в столице Сибири середины 1930-х годов, которых было несколько, а материал об их шпионаже менее убедительным, чем информация о Накамуре¹. Очевидно, что чекисты пытались создать шпионскую писательскую ячейку, увязав Итина с идущим в гору плодовитым литератором А.Л. Коптеловым, автором популярного тогда романа «Великое кочевье», посвящённого советской ломке традиционного быта алтайцев. По мнению чекистов, ойротские «националисты» традиционно были «связаны» именно с японской разведкой, о чём свидетельствовали многочисленные агентурные и следственные дела.

На этом следственные мероприятия, судя по документам дела Итина, были завершены. Признаний в связях с врагами-писателями не потребовалось, участие в «правотроцкистском блоке» не выяснялось, — «шпионской линии» оказалось достаточно, причём исключительно японской, хотя у Итина было несколько реальных встреч с германским консулом. В июне начальник 5-го отделения КРО УНКВД В.Д. Качуровский объявил Итину об окончании следствия, от которого была получена традиционная формула, что он «добавить к своим показаниям ничего не имеет»². Обвинительное заключение, утверждённое заместителем начальника УНКВД капитаном госбезопасности А.С. Ровинским, фиксировало, что Итин обвиняется по ст. 58-6 УК (шпионаж), поскольку передавал японской разведке шпионские данные об экономическом и политическом положении Ойротии, а также сведения о политических настроениях населения. Виновным Итин себя признал. Изобличался же он показаниями некоего Озолина, первый и последний раз упомянутого в деле. В обвинительном заключении фамилия Озолина сопровождалась неизвестно кем и когда проставленным знаком вопроса. Что касается Коптелова, то он в этом документе не упоминался совсем. Подписали обвинение оперативник КРО, недавно мобилизованный в НКВД И.Т. Монашенко, помощник

¹ См.: *Тепляков А.Г.* Опричники Сталина. М.: Яуза, 2009. С. 326–330.

² Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. П-3745. Л. 15.

начальника 2-го отделения КРО, которое занималось японским шпионажем, И.И. Ренцев и начальник отдела контрразведки Ф.Н. Иванов¹.

Хотя Итин признался и следствие было закончено, он остался сидеть в тюрьме, поскольку «тройка» управления НКВД, осудив с августа 1937 г. по март 1938 г. 50,5 тыс. человек, из которых 34 тыс. были расстреляны², затем надолго прекратила свою деятельность. Правда, в Новосибирск в июне 1938 г. приезжала выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР, рассматривавшая несколько сотен дел на представителей номенклатуры. Итина вполне могли «пропустить» через военную коллегию, но по каким-то причинам продержали в тюрьме до осени. Осенью 1938 г. новосибирская областная «тройка» НКВД возобновила свою работу. Она осуждала преимущественно так называемые «национальные контингенты»: немцев, поляков, прибалтов. Однако периодически рассматривала дела врагов народа и других категорий. На заседании «тройки» 17 октября 1938 г. решилась судьба Итина. Он был осуждён к высшей мере наказания и 22 октября расстрелян. Все материалы на писателя — от справки на арест до справки об исполнении приговора — уместились на 19 листах.

Реабилитация

В конце 1955 г. дочь Вивиана Итина Лариса, жившая в то время в Минске и работавшая в Институте физиологии АН Белорусской ССР, являвшаяся членом КПСС с 1953 г. и кандидатом биологических наук, обратилась в Президиум ЦК КПСС с письмом, в котором ходатайствовала о пересмотре дела отца, «потому что не уверена в его виновности».

Это письмо было направлено в органы военной юстиции, а затем стало предметом специального расследования, проведенного Новосибирским управлением Комитета государственной безопасности. В результате проделанной сотрудниками КГБ работы предъявленные Итину обвинения не подтвердились. Поскольку Итин был репрессирован по обвинению в шпионаже, то его дело пересматривала военная юстиция. Военным трибуналом Сибирского военного округа 11 сентября 1956 г. Итин был реабилитирован за отсутствием состава преступления. Хотя с точки зрения полной юридической справедливости следовало бы дать более честную

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Д.П-3745. Л. 16–18.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1678. Л. 430.

формулировку — в связи с отсутствием события преступления. Однако дочери сообщили недостоверную дату смерти — 1945 г., которая и вошла в краткую Литературную энциклопедию.

Несколько лет спустя после реабилитации книги Итина стали перепечатывать. О нём чередой публиковались очерки и воспоминания, нередко спрямлявшие путь героя и почти не касавшиеся трагедии его жизни. К настоящему времени доступны художественная и очерковая проза Вивиана Итина, собраны стихотворения, опубликована часть переписки. В 1990-е годы появились содержательные воспоминания дочери Итина. Опубликованные и архивные материалы позволяют приступить к созданию полноценной биографии сибирского поэта и писателя Вивиана Итина.